

Василий Буслаев в Иерусалим ездил

Не бела березонька к земли клонитсе,
Не бумажное листьё ростилаетсе,
Кабы кланялся Василей своей матушки,
Он бы кланялся е да во резвы ноги,
Да сам говорил да таковы речи:
— Ты свет, государына моя матушка,
Честна вдова Омельфа Тимофеевна!
Уж ты дай благословенье мне великое,
Мне велико благословенье, вековецьное,
Со буйной-то главы, да до сырой земли:
Мне ехать Василью в Ерасáлим град,
Свести положеньичо немалое,
Мне немало положенье — сорок тысячей.

Говорит государына его матушка,
Честна вдова Омельфа Тимофеевна:
— Ты, свет моё цядо ноньце милоё,
Ты бладой Василей сын Буслаевич!
Ерусалим-град дорожинькя не ближное:
Кривой ездой ехать ровно трí годы,
Прямой ездой ехать нынь три месяца,
На прямоежжой дорожке есть субой быстёр,
Субой-от быстёр, дак есть розбой велик,

Говорит государына его матушка,
Честна вдова Омельфа Тимофеевна:
— Кому думно спастись, дак можно здесь спастись,
Туда много добрых молодцов ведь уж хаживало,
Назад молодцы не ворочались.

Он кланелса, Василей, ей во вто́рой раз:
— Ты свет государына, моя матушка,
Честна вдова Омельфа Тимофеевна!
Уж ты дай благословенье мне великое,
Великое благословеньичо, вековечное,
С буйно́й главы, да до сырой земли,
Мне ехать, Василью, в Ерасáлим град,
Свято́й святыни помолитисе,

Ко Господней гробничи приложитисе;
У мя с молodu было битo-граблено,
Под старость-ту надо душа спасти;
Нас тридесять удалых добрых молодцов,
Субой-от быстёр дак мы пéрегребём,
Розбой-от велик дак мы поклонимсе.

Говорит-то Васильева матушка,
Честна вдова Омельфа Тимофеевна:
— Кому думно спастися, можно здесь спастись.

Он кланелся Василей во третий након:
— Ты свет государына, моя матушка,
Честна вдова Омельфа Тимофеевна!
Уж ты дашь, я поеду, и не дашь, я поеду,
Не отстать мне-ка ,дружинушки хорóброей,
Мне ,тридесять удалых добрых молодцов.

Говорит государыня его матушка,
Чесна вдова Омельфа Тимофеевна:
— Как будь благословенье великое,
На бладом на чаде на Василие,
Тебе ехать Василью в Еросалим град,
Святой святыни помолитисе,
Ко Господней горбницы приложитисе,
Свести положенье не малое,
Не мало положенье — сорок тысячей.

Да стал-то Василей снаряжатисе,
Сын Буслаевич стал да сподоблетисе,
Испостроил Василей нов черлён карабь,
Да нос-де корма да по звериному,
Да хоботы мецёт по змеиному,
Дерева были у карабля кипарисныя,
Оснасточья у карабля бела-шелкова,
Не здешнего шелку шемашинского,
Паруса были у карабля белополóтнены,
Как флюгароцька была на карабли позолочена,
Как чена этой флюгароцьке петьдесят рублей,
Якоря были у карабля булатныя,
Место оцей было у карабля положено
По тому жо по камешку самоцветному,
Место бровей было у карабля положено

По тому жо по соболю по чёрному,
Не по здешнему соболю, по сибирскому,
Место ресниц было у карабля положено
По тому по бобру да нынь по сизому,
Не по здешнему бобру, по закаменьскому.
Пошел-то Василей на черлен карабль,
Со всей своей дружинушкой хороброю,
Обирали-то сходенки дубовыя,
Поклали-то сходенки вдоль по караблю,
Вынимали то якоря булатныя,
Подымали тонки парусы полотнены;
Фома-то толстой тот на кормы стоит,
А Костя Микитиць на носу стоит,
А Потанюшка маленькёй окол парусов,
Потому-де Потаня окол парусов,
Горазд был Потаня по снастям ходить.
Они долго ли бежали, нынь коротко ли,
Подбежали под гору Сорочинскую,
Выходил-то Засилей на черлен карабль,
Он здрил-смотрел, Вася, на круту гору,
Уведал Василей нынь чуден крес,
Говорит-то Василей сын Буслаевич,
Говорит-то Василей таковы реци:
— Вы ой есь, дружинушка храбрая,
Вы тридесять удалых добрых молодцев!
Опускайте вы парусы полотнены,
Помеците-тко вы якори булатныя,
Кладите-тко сходни коньцём на берег,
Мы выйдем-ко, братцы, на круту гору,
Мы чудному кресту Богу помолимся.

Кабы вся его дружина не отслышалась,
Опускали-то парусы полотнены,
Пометали-то якори булатныя,
Поклали-то сходни концем на берег;
Кабы вышол Василей на крут бережок,
Пошел-то Василей по крутой горы
Не нашел-то Василей нынь чудна креста,
Нашел Василей только сухую кость,
Суху голову, кось человеческу,

Он пнул ей Василей правою ногой,
Говорит голова, кось человеческа:
— Не попинывай, Василей, меня, сухую кось,
Суху голову, кось человеческу:
Да был молодеч я не в твою пору,
Не в твою пору, да не в твою ровню,
Как убила Сорочина долгополая,
Как та-жо-ли Чудь да двоёглазая;
Не бывать тебе, Василью, на светой Руси,
Не видать тебе, Василей, своей матушки,
Честной вдовы Омельфы Тимофеевны.

Он ведь плюнул-то Василей, сам чурается:

— Себе ты спала, да себе видела,
Он пнул ей Василей во второй раз:
— Ужли голова в тебе враг мутит?
,тебе враг-от мутит, да в тебе бес говорит?

Говорит голова-то человеческа:

— Не враг-от мутит, мне не бес говорит,
Я себе-то спала да тебе видела:
Лежать тебе, Василью, со мной в едином гробу,
Во едином гробу, да по праву руку.

Пошел-то Василей на черлён карабь
Пришел-то Василей на черлен карабь,
Обирали-то сходенки дубовыя,
Вынимали-то якори булатныя,
Подымали-то парусы полотнены,
Побежали они да в Еросáлим-град.
Заходили-то в галань карабельнюю,
Опушшали тонки парусы полотнены,
Пометали-то якори булатныя,
Поклали-то сходни концем на землю,
Пошли-то они да в Еросáлим-град,
Заходили они во церковь Божию,
Да Господу Богу помолилися,
Ко Господней гробничи приложилися;
Положил Василей положеньичо,
Немало положенье — сорок тысячей,
Пошел-то Василей ко Ердан-реки,
Скинывал-то Василей цветно платъичо,

Спускался Василей во Ердан-реку;
Приходит жона да старомáтера,
Говорила сама да таковы речи:
— Ты ой есь, Василей сын Буслаевич!
У нас во Ердан-реки не купаютче,
Как толькё в Ердан-реки помоютче,
Купалса в Ердан-реки Сам ведь Сус Христос,
Не бывать тебе, Василей, на светой Руси,
Не видать тебе родимой своей матушки,
Честной вдовы Омельфы Тимофеевны.

Он ведь плюитче, Василей, сам чурайтче;
— Себе же ты спала, да себе видела.
Говорит-то жона да староматера:
— Себе я спала, тебе видела.

Выходил-то Василей из Ердан-реки,
Надевал-то Василей чветно платъичо,
Пошел-то Василей на черлен карабь,
Зашел-то Василей на черлен карабь,
Со всей своей дружинушкой хороброю,
Обирали-то сходенки дубовыя,
Поклали-то сходенки вдоль по караблю,
Выздымали-то якори булатныя,
Подымали тонки парусы полотнены,
Побежали-то они да во своё царство.
Они долго ли бежали, нынь коротко ли,
Подбегали под гору Сорочинскую,
Выходил-то Василей на черлен карабь,
Он здрит, смотрит на вси стороны,
Как увидел Василей нынь чуден крест,
Говорит-то Василей таковы реци:

— Вы ой есь, дружинушка хоробрая!
Уж мы выйдём-ко братцы, на круту гору,
Уж мы чудному кресту Богу помолимся.

Кабы вся его дружина не ослушалась,
Опускали тонки парусы полотнены,
Метали якоря они булатныя,
Они вышли нынь, братцы, на круту гору;
Пошли-то они да по крутой горы,
Подошли-то они да ко крутой горы,

Не нашли-то они да чудна креста,
Нашли-то они да сер-горючь камень,
В ширину-то камень тридцеть локот,
В долину-то камень да сорок локот,
Вышина его у камешка ведь трёх локот,
Говорит-то Василей сын Буслаевич:
— Вы ой, моя дружинушка хоробрая!
Мы станем скакать через камешок,
Вперед-от мы скочим, назад отскочим;
Один у нас Потанюшка есть маленькёй,
Кабы маленькёй Потанюшка, Хроменькёй,
Вперёд ему скочить, назад не отскочить.

Скакали они-де через камешок,
Вперёд-то скочили, назад отскочили,
Говорит-то Василей сын Буслаевич:
— Не чёсь-то хвала да молодецкая,
Не выслуга будет богатырская,
Мы станём скакать да вдоль по камешку,
Мы вперёд скочим, назад отскочим;
Один у нас Потанюшка есь Хроминькёй,
Вперёд ему скочить, назад не отскочить.

Скакали они да вдоль по камешку,
Вперёд-от скочили, назад отскочили;
Скочил Василей сын Буслаевич,
Да пал-то Василей грудью белою,
Да пал, разломил-то да грудь свою белую,
Поворотитсе у Васля ищэ язык в голове:
— Вы ой, моя дружинушка хоробрая!
Уж вы сделайте гроб да белодубовой,
Найдите суху кось человеческу,
Положите-тко кось со мной в единой гроб,
В единой-от гроб, да по праву руку.

Они сделали гроб да белодубовой,
Нашли кось-голову человеческу,
Завертели во камоцьку белу-хрущату,
Положили их да во белой гроб,
Закрыли-то их да гробовой доской,
Копали могилу им глубокою,
Спускали в могилу во глубокою,

Засыпали желтым песком сыпучиим,
Поставили во резвы ноги им чуден крест,
На кресте подписали подпись книжную:
«Лежат два удала добра молодца,
Два сильни могуци руськи богатыря,
Да один-от Василей сын Игнатъевич,
Другой-то Василей сын Буслаевич,
Их убила Сорочина долгополая
Да та же ли Чудь да двоеглазая».
Пошли-то дружина на черлен карабль,
Обирали-то сходенки дубовыя,
Поклали-то сходни вдоль по караблю.
Вы имали-то якори булатныя,
Они снесли со дерева флюгароцьку,
Как вынели из карабля есны оци,
Как взяли они да черны брови:
Не стало на карабле хозяина,
Того-же Василья Буслаевича;
Подымали тонки парусы полотнены,
Побежали они да во своё царство,
Да втапоры Васильева матушка,
Честна вдова Омельфа Тимофеевна,
Да ждёт-то Василея Буслаевича,
Как смотрит она в трубоцьку подзорную;
Как бежит из заморя черлен карабль,
Не по-прежнему караблик, не по-старому,
Да нету на карабле флюгароцьки,
Как нету на карабле есных оцей,
Как нету на коробля черных бровей;
Как плацёт Омельфа Тимофеевна,
Она плацёт да горюцьми слезми:
«Видно нету на караблике хозяина,
Да блада-то Василея Буслаевича».
Пошла она, Васильева матушка,
Чесна вдова Омельфа Тимофеевна,
Пошла-то она да во Божью церковь,
Служить панафиды нынь почесныя,
По бладом Василье по Буслаевиче.

(Записано летом 1902 г. в д. Бедовая Пустозерской вол. от П. Г. Маркова)

Печорские былины. Записал Н. Ончуков. СПб., 1904.